

Епископ Нафанаил (Львов)

Крупницы воспоминаний о встречах с великим аввой митрополитом Антонием* архиепископ Нафанаил (Львов)

1. С великим митрополитом Антонием мне пришлось встретиться только под конец его жизни, в Югославии, когда я приехал туда, сопровождая еп. Нестора, осенью и ранней зимой 1933 г. Хотя наша семья была с ним лично знакома издавна, и мой отец, вопреки многому, пользовался любовью Владыки, так что, когда я рассказывал ему все что знал о моем отце за последние годы, владыка вместе со мною стал плакать о том, что мой отец уклонился на неверные пути, – но мне, как «маленькому» тогда, до революции, увидеть митрополита Антония не удалось.

2. Первым большим впечатлением при встрече с митрополитом Антонием были утренние и вечерние молитвы с ним. Уже тяжело больной тогда, митрополит Антоний выслушивал молитвенные правила, иногда лежа, чаще всего сидя, иногда стоя. И полунощницу и повечерие и он, и его келейник, о. архимандрит Феодосий, знали наизусть. Поэтому никаких книг им не было нужно. Епитрахиль владыка Антоний тоже обычно не одевал, утверждая, что – привилегия архиерея совершать второстепенные молитвенные чины без епитрахили. Читались и полунощница и повечерие очень быстро, но с большой сосредоточенностью. Так как оба читали молитвы наизусть, то часто казалось, что эти молитвы просто льются из сердца неподготовленно. Едва заканчивал о. Феодосий, как подхватывал митрополит Антоний. Молитвы посредине полунощницы (которые обычно переносятся в утренние молитвы) и обе конечные молитвы на повечерии владыка Антоний читал сам.

Ясно, ясно помню, как мы входили в еще полутемную комнату – спальню владыки. Владыка говорил: «я уже помылся,

будем молиться». Иногда добавлял: «я сегодня полежу», или о. Феодосий подавал ему подрясник, и он садился в кресло. Все поворачивались к иконам, владыка произносил возглас, и с первых же звуков молитвы он был весь в ней, так что даже поза его показывала (конечно незаметно для него) устремленность вперед.

3. Первый разговор наш с митрополитом Антонием был о России. Мы с владыкой Нестором приехали с Дальнего Востока, где в то время начиналась большая антибольшевицкая работа, инспирируемая Японией. Владыка Нестор рассказывал о подробностях этой работы. И вдруг владыка Антоний прервал и произнес: «А я о России скажу пушкинскими словами: «...И как вино печаль минувших дней, в душе моей, чем старей, тем сильней». И заплакал.

4. Хочется мне отметить, думается, ценное для всей нашей нынешней Зарубежной Церкви, особое отношение митр. Антония к нашему нынешнему Первосвятителю, митрополиту Филарету, с которым мы, оба юные тогда иеромонахи, были дружны. Об о. иеромонахе Филарете митрополит Антоний знал и по переписке с его отцом, всеми почитаемым духовным наставником Дальнего Востока, протоиереем Н. Вознесенским, бывшим воспитанником митр. Антония по Московской Духовной Академии и по моим рассказам, и по сведениям от разных лиц из Харбина. И владыка Антоний полюбил иеромонаха Филарета.

Помню, что митр. Антония и рассмешил и умилил мой рассказ о том, как по принятии монашества, начав читать монашеское правило, мы на повечерии читали канон, на каноне акафист, и все хотели с о. Филаретом придумать: чего бы еще нам почитать.

Однажды я стал просить у митрополита Антония на память и благословение его фотографию. Владыка взял одну и начал ее надписывать. И вдруг я вижу он пишет: «дорогому отцу иеромонаху Филарету...» . Между тем, даже вопроса не поднималось о том, чтобы митрополит подарил карточку о. Филарету. Но хотя я был тут, сидя против него через стол, а о. Филарет был за 12.000 километров, но первая мысль митрополита Антония была направлена к нему, первый порыв

симпатии, выражающийся в подарке карточки, был посвящен о. Филарету. У меня вытянулось лицо: ведь карточку я все-таки хотел себе. Митрополит посмотрел на меня, видимо прочел огорчение на моем лице, перечеркнул слово «Филарету» и написал: «Нафанаилу».

Владыка Антоний всем нам писал дружественные отеческие письма, но к о. Филарету они были самыми теплыми.

5. Мой правящий архиерей, Преосвященный Нестор, хотел представить нас: отца Филарета и меня, к игуменскому сану. Я об этом знал и знал, что митрополит Антоний об этом знает. Поэтому в общем разговоре при нем я с юношеским легкомыслием заявил: «А знаете, Владыка, я этим отличиям не придаю значения. По-моему важны лишь три основных сана: диакона, священника и архиерея. Вот иеромонахом мне очень хотелось стать, а игуменству или архимандритству я значения не придаю». Митрополит Антоний посмотрел на меня полу усмешкой, полу упреком: «А скажи, вот, если ты получишь подарок, хотя бы пустяшный, от людей, которых ты любишь: от матери, или от духовного отца, или от друга. А потом получишь внешне ценный подарок от людей тебе безразличных – какой подарок будет тебе отраднее?» – «Конечно первый», воскликнул я. «Ну вот видишь, значит ценность подарка зависит прежде всего от того, кто его дарит. А ты получаешь подарок от Церкви. Понимаешь?» – «Да», смущено сказал я.

«Ну вот милый мой, смущайся и радуйся», уже совсем ласково сказал великий Авва.

И я получил двойную незаслуженную мною радость: чрез руки великого митрополита Антония восприял от Церкви Христовой высокий сан игуменский.

6. Иногда на мою долю выпадала радость прочитать что-нибудь митрополиту Антонию. Обычно это была привилегия ближайших к владыке людей: Н. П. Рклицкого (покойный архиеп. Никон), моего сродника П. С. Лопухина и гр. Г. П. Граббе. Однажды я читал владыке жития святых и после чтения с сокрушением исповедал митрополиту Антонию о том, что грешу маловерием: не во все в житиях святых могу верить. «Вот особенно огорчаюсь, что в отношении Вашего, Владыка святой,

Небесного Покровителя, преп. Антония Римлянина... Верю, искренне верю, что благодать Божия могла сделать и сделала, что он на камне поплыл. Но, что он проплыл Гибралтарский пролив, Бискайский залив, Ламанш, Сев. море, Категат, Скагерат, Балтийское море. Когда все это представишь – не могу поверить». Владыка ответил успокоительно: «Не огорчайся и не сетуй. Это согрешение твоего воображения, которому ты дал излишний разгон, а не маловерие. Неужели ты думаешь, что Господу нужно было вести св. Антония таким сложным путем, и Он не мог перенести его прямо к устью Волхова?»

7. С владыкой Нестором из Белграда мы собирались ехать во Святую Землю. По этому поводу в присутствии митр. Антония начались разговоры о том, что недавно греческие монахи около Гроба Господня подрались с католическими. И владыка Нестор повторил очень распространенную в таких случаях фразу: «Какой позор, что у Гроба Того, Кто учил любви и миру, монахи дерутся».

Митрополит Антоний прервал: «нет, владыка, слава Богу, что дерутся. Значит любят. За то, к чему равнодушны, драться не будут, а за то, что любят, полезут в драку. Слава Богу, что эти простые монахи так любят Господа нашего и Его святой Гроб».

8. О. Николай Вознесенский собрался принять монашество. Другой харбинский протоиерей, о. Петр, дружный с о. Николаем, писал об этом архиепископу Нестору в скрыто-благоговейном, а внешне шутливом и насмешливом тоне об этом. Владыка Нестор приказал мне прочитать это письмо пред митрополитом Антонием. Мы с вл. Нестором, конечно, тоже видели благоговение сквозь насмешку в письме о. Петра, но мы не ожидали, как воспримет это митр. Антоний.

О. Петр писал: «О. Николай уходит в монахи. Туда ему и дорога. Какой от него толк: он все молится, да молится. Вот недавно я был у него. Отслужили вместе всенощную. Помолились. Я правило прочитал. Всегда читаю. Лег спать. А он все молится. Я поспал, проснулся – он молится. Я опять заснул, опять проснулся. Он все молится. Говорю ему: «о. Николай, а о. Николай, ты когда ж спать-то будешь?» Не слышит

– молится. Ну какой же от него толк?! Туда ему и дорога – в монахи»...

Вдруг владыка Антоний положил голову на руки и громко заплакал: «А я и не знал, что отец Николай такой молитвенник», повторял он всхлипывая. «Не знал. Спаси его Господь, спаси его Господь!»

9. Для многих при жизни митр. Антония, а еще больше по слухам после его кончины, соблазном было то, что владыка Антоний допускал и себя говорить и присутствующих произносить «неприличные слова». А молва это все еще и преувеличивала.

Да, это было. Но со стороны митрополита Антония это было совершенно чистым. Думаю, что произнесение им непристойных слов объясняется двумя обстоятельствами: во-первых, его ревливой правдивостью и нелюбовью к фразе и позе. Если данная вещь называется так, то он так ее и называл. Говорить иносказательно ему казалось неправдивым.

Вторая причина глубже. Опять же по своей правдивости митр. Антоний не терпел позы и экзальтации. Как только он замечал признаки атмосферы восторженности, он разрушал ее «неприличным словом» или неприличными описаниями.

К сожалению, пользуясь этой «свободой речи», некоторые присутствовавшие позволяли себе просто рассказывать неприличные анекдоты и выражаться непристойными словами. Но у владыки Антония эти «неприличности» были всегда чисты.

Был, однако, один человек, при котором ни сам владыка Антоний не позволял себе, ни других не допускал произносить неприличные или грубые слова. Это был тогда архиепископ, впоследствии митрополит, Анастасий.

«У Преосвященного Анастасия настоящая, неподдельная абсолютная скромность и стыдливость», говорил митрополит Антоний, «и это надо щадить и беречь».

10. Однажды, еще в начале нашего пребывания в Карловцах, мы пригласили Митрополита и всех его друзей на кино-сеанс.

Дело в том, что перед отъездом из Харбина владыка Нестор купил дешевые не автоматические, а крутящиеся рукой,

японские кино аппараты: для съемки за 30 дол. и проекционный за 20 дол. с несколькими десятками метров тоже дешевых японских пленок. Мне поручено было быть кинооператором. Я с восторгом взялся за это дело. Лучшим моим произведением была съемка торжества освящения нового колокола для нашей церкви Дома Милосердия.

В Харбине все шло прекрасно. Я несколько раз демонстрировал этот фильм. Из дверей церкви выходит процессия: владыка Нестор и сослужащие ему священнослужители: протоиерей Иоанн, иеромонах Филарет, иеромонах Климент, иеромонах Мефодий, протодиакон Ф. Задорожный, иеродиакон Нил. Множество иподиаконов, прислужников. Кресты, хоругви. Совершался чин «освящения кампана или звона». Фильм, конечно, был немой. Потом окропление колокола святой водой и поднятие его на колокольню.

Кроме того я снял отдельные здания Дома Милосердия и под конец свое любимое тогда детище: вольер с дикими гусями и дикими утками и с куликами. Этот снимок я закончил мною самым изобретенным трюком: легши сам в траву я снял куликов снизу, чтобы они получились «похожими на страусов».

Все эти снимки вместе с аппаратами были уложены в специально купленный чемоданчик и там устроены аккуратно, но без всякой специальной изоляции и упаковки. Как они вообще перенесли 32 дня путешествия на пароходе в тропиках и остались наполовину целы – удивительно. Но конечно они были на половину испорчены.

Вот эти фильмы должен я был демонстрировать в столовой у митрополита Антония на киносеансе.

Собрались: митрополит Антоний, епископ Нестор, архимандрит Феодоисий, о. Протоиерей В. Тарасьев, П. С. Лопухин (впоследствии мой лучший друг) со своей супругой – моей сестрой, гр. Г. П. Граббе, ныне протопресвитер, Н. П. Рклицкий, (покойный архиепископ Никон) и многие другие.

Я конечно очень волновался. Я так мечтал показать митрополиту Антонию нашу харбинскую жизнь, показать моих любимых друзей: отца Филарета, отца Климента, отца

Мефодия, иеродиакона Нила не на застывших в одной позе карточках, а на передающем жизнь и движение фильме. Радовала и возможность показать здания нашего Дома Милосердия и мой любимый вольер.

Я наладил экран и аппарат... И началось. Фильм застревал, поворачивался на бок, рвался поминутно. На самых ответственных местах появлялись пятна: места проеденные тропической жарой и сыростью. То он еле двигался, потому что распух, и участники молебна еле пере- двигались, крестились замедленным стиранным движением; то в тех местах, где фильм остался нормальным, а я не успевал замедлить движение своей крутящей фильм руки, священники начинали комически бежать. Особенно же изводили всех частые остановки для поправки и склеивания фильма.

В темноте раздался нетерпеливый голос П. С. Лопухина: «Нафанаил, да когда же ты кончишь, ведь ты замучил и владыку и всех нас!» И умиротворяющий громкий шепот его жены: «Петя, оставь, потерпи. Зачем ты обижаешь отца Нафанаила?!»

Когда же зловещие пятна разъеденного фильма стали появляться на лицах участников богослужения и наконец на лице владыки Нестора, то раздался его громоносный сердитый шепот: «Осел, почему ты все это не исправил заранее?!»

Но все покрыл тихий, однако вполне внятный шепот Митрополита: «Оставьте, оставьте. Пожалуйста продолжай отец Нафанаил. Это все очень интересно». Я уже обращался только к нему: «Вот это отец Филарет, а это отец Мефодий, а вот это...» Но тут опять появилось бело- серое пятно, и фильм лопнул.

Еще труднее пошло с показом зданий Дома Милосердия. Да я и не старался: хотелось скорее кончить эту затянувшуюся всеобщую муку. Только бы показать еще мой вольер. Насколько позволяла меняющаяся толщина фильма, я наскоро показал кухню, типографию, иконописную. И наконец, вот он: вольер. И вдруг голос митрополита Антония: «а это что – курятник?» – «Нет, владыка, это вольер, мой зоологический сад с дикими гусями, дикими утками, куликами».

Увы, дикие утки, гуси и кулики казались какими-то букашками в глубине вольера, а фильм никак не желал передвинуться, чтобы показать их во всей их красе.

Наконец, отчаянным усилием я сдвинул фильм, несколько кадров проскочило незаметно, и на экране появилось четыре чудовищно огромных ноги двух куликов, тела и головы которых терялись где-то в надзвездной высоте. «Совсем как страусы», казалось мне.

На этом сеанс кончился. Все меня критиковали, владыка Нестор сердился. И только митрополит Антоний защищал и благодарил: «Нет, очень, очень все было хорошо и интересно. Спасибо, отец Нафанаил». И верилось мне тогда, и признаюсь, верится и теперь, что это была не только любезность, нежелание меня огорчить, но наряду со всем этим был и действительный интерес к фильму.

Абсолютная прямота и правдивость митрополита Антония не позволили бы ему так настойчиво утверждать, что все было интересно, если бы ему совершенно интересно не было. Ведь он ощущал то, что не ощущали другие: он любил этих далеких молодых священников: о. Филарета, о. Климента, о. Мефодия, которым потом писал такие ласковые отеческие письма. И потому ему наверное были интересны, пусть и очень плохо показанные, но их действительные шаги, их движения, их священнодействия.

А по бескрайней широте натуры митр. Антония, по бесчисленности его интересов, по детской простоте его души, может быть интересны ему были и кулики.

11. Не буду касаться богословских тем. Ведь я внимал митрополиту Антонию только неполных 4 месяца: от начала сентября до конца декабря 1933 г. Я был сравнительно юн: 25 лет, и еще не достиг «меры возраста мужа совершенна» (33 года), когда раскрываются умственные горизонты, а потому многое не понимал. Между тем, есть еще люди, знавшие митр. Антония и в более зрелом возрасте и в течение более длительного срока. Хотелось бы понудить их писать о нем. Ведь мы имели поколениями неиспытанное счастье: иметь в своей среде святителя, могущего стать в ряд с величайшими

древними святителями, отцами и учителями Церкви. И это не единичное мнение: это утверждал патриарх Александрийский Фотий, и патриарх Сербский Варнава и множество русских, сербских и греческих иерархов. Между тем свой нравственный долг перед памятью митрополита Антония написавши о нем, выполнили только архиепископ Никон и покойный П. С. Лопухин, сказавшие о нем все что могут, и м. б. отчасти о. Георгий Граббе. А мы позволили, чтоб в наше время, за последнее десятилетие забылся митрополит Антоний. Его имя как-то стыдливо почти не называется. Это стыд и позор нашему поколению.

12. Все же мне хочется отметить некоторые, особенно нас удивившие суждения митрополита Антония. Он, например сравнительно снисходительно относился к Л. Толстому и в то же время очень отрицательно к В. Соловьеву. Между тем мы – харбинская церковная молодежь, были воспитаны в отталкивании от Л. Толстого, а к Вл. Соловьеву, хотя и знали, что он неправославен, но хранили теплое место в сердце, многое прощали ему за его интересность, яркость, за умение метко бить врагов христианства. Но митрополит Антоний уважал в Л. Толстом прямолинейность и то, что тот пытался жить по своим принципам. А Вл. Соловьева упрекал за позу, за фиглярства, за «нечестные фокусы».

Удивило меня также то, что ставя очень высоко Хомякова неоднократно выражая надежду на то, что А. Хомяков будет прославлен Церковью, как святой, он допускал рядом с ним только И. Киреевского. К прочим же славянофилам он относился скептически. «Им до Хомякова, как парижским профессоришкам до настоящих богословов», сказал он при мне П. С. Лопухину.

Однажды при митрополите Антонии зашел разговор об о. Сергии Булгакове. Все окружение митр. Антония относились к о. Сергию отрицательно. Но владыка Антоний сказал и мне о нем: «Несчастный отец Сергей, несчастный отец Сергей. Ведь это очень умный человек, один из самых умных на свете. Он понимает многие вещи, которые понятны только очень немногим. А это страшно гордит. Трудно не возгордиться, если

ты знаешь, что вот это тебе ясно и совершенно понятно, а никто кругом понять этого не может. Это сознание возносит и гордит. Только Божия благодать, привлекаемая смирением, которого у о. Сергия по-видимому не хватило, только она может защитить душу от такой гордости».

В этих словах владыки мы почувствовали большой пережитый опыт, напряжение и выигранную духовную борьбу.

Закончу Пушкинскими словами: «Немного лиц мне память сохранила, немного слов доходит до меня. А прочее погибло безвозвратно»... Память тускнеет. Если бы я писал это пять-шесть лет тому назад, вероятно я мог бы вспомнить больше. Вот почему так хочется уговорить всех знавших митрополита Антония чаще вспоминать о нем, больше о нем думать. Будем благодарить Бога за то, что Он дал нам радость и честь жить в одно время с великим Святителем, будем хранить трепетную надежду на том, что придет день, когда вся Православная Церковь торжественно единодушно воспоеет: «Святителю Отче Антоние, моли Бога о нас!».

И присоединим к сему горячую молитву: «да расточатся врази его».

1978 г.

Примечания

¹ - *Храповицким – прим. Редакции.